

ИНСТИТУТ НАСЛЕДОВАНИЯ ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ АЛТАЙЦЕВ

Аннотация: В настоящей статье исследуется своеобразие обычного права алтайцев применительно к традициям наследования имущества. Рассматривается участие родственников (жена, дети) при наследовании имущества отца. В исследовании приводятся некоторые особенности института зайсаната у алтайцев. Кроме того, предметом исследования стали земельные отношения между родами-сёоками алтайцев. Влияние процессов оседлости на процессы наследования. Особенности имущественных отношений, а также порядок передачи промысловых и охотничьих территорий. Таким образом автор сопоставляет обычно-родовое право с фактическим правом зайсанского управления. Исходя из характера современного правового знания, автор стремился к органическому соединению элементов правового анализа и историко-культурного и антропологического подхода. Автор приводит уникальные сведения на основе собранного полевого материала. Информация собрана от первоисточников-информаторов в ходе нескольких экспедиций в верховьях Горного Алтая за период 2005-2009 гг., и обработана лишь в настоящее время. Информаторов в силу времени остается, с каждым годом меньше и вместе с ними мы теряем часть ценных знаний. Изучение обычного права народов России, является важным шагом в понимании былой концепции права и сохранении исторической памяти.

Ключевые слова: Обычное право, алтайцы, наследование, наследование по завещанию, имущество, собственность, институт зайсаната, брачно-семейное право, коллективная собственность, родовое имущество.

Abstract: This article examines the uniqueness of the customary law of the residents of Altai Krai pertaining to the traditions of inheriting property. The author analyzes participation of the relatives (spouse and children) in inheritance of the property of the father. The research offers some of the peculiarities of the Institution of Zaysanat among Altaians. In addition to that, the research also addresses the land relations between the Seok tribes of the Altai; influence of the sedentism processes upon the process of research; the specificity of property relations, as well as the order of transfer of prospecting and hunting territories. The author compares the common-patrimonial law with the actual law of the Zaysan administration. Based on the character of modern legal knowledge, the author attempted the organic fusion of elements of legal analysis and historical-cultural and anthropological approaches. The author offers unique information based on the collected field material. The data is collected directly from the sources and informants during several expeditions to the summits of the Altai Mountains throughout 2005-2009, which just now has been processed. Each year there are less and less informants remain, and along with them, we are losing a portion of valuable knowledge. Study of the customary law of Russia's ethnoses is an important step in understanding the former concept of law and preservation of historical heritage.

Keywords: Institution of Zaysanat, personal property, property, testamentary succession, inheritance, Altaians, customary law, Family law, collective ownership, ancestral property.

Обычное право алтайцев, является малоизученной темой. Несмотря на то, что трудов по истории и этнологии алтайцев сделано немало, правовому анализу наследственные отношения фактически не подвергались. Приведенные ниже материалы, являются отчасти уникальными, поскольку собраны от первоисточников-информаторов в ходе нескольких экспедиций в верховьях Горного Алтая за период 2005-2009 гг., и обработаны лишь в настоящее время. Информаторов в силу времени остается, с каждым годом меньше и вместе с ними мы теряем часть ценных знаний. Изучение обычного права народов России, является важным шагом в понимании былой концепции права и сохранении исторической памяти.

Наследование у алтайцев велось только по мужской линии, женщина была вообще лишена права собственности и ограничена в правах наследства. Все имущество переходило лишь к сыновьям и мужской части родственников мужа. Принадлежность определенному роду также наследовалась по отцу: к какому сёоку (обозначение родовой принадлежности у алтайцев, в буквальном переводе на русский язык, означает «кость») принадлежал отец, такой же сёок будут иметь его дети. Любовь к роду (сёоку) отмечали и ранее исследователи инородческого населения. Свой род, свое место проживания признавались «лучшими». В своде обычных прав дочь не упоминается: «отец должен выделить своему сыну наследство по положению (обычаю). Дочь, можно сказать, наследовала только

сёок отца. Если отец обеднеет, то он может взять из (каждого) пятка голов скота, (принадлежащего сыну), одну». Если осталось много сыновей, то в разделе наследства принимали участие только те, кто ко времени смерти отца оставался еще в доме. Те же, кто еще при жизни отца завели свое хозяйство, т.е. получили от отца свою часть («энчи» – личное имущество), наследства не получали (полевые материалы 2007 г., информатор: Шартланов С.К., 1934 г.р., сёок сагал., с. Мухор-Тархата).

Женщина не имела права наследовать даже долю имущества мужа отца, брата. Наоборот, она сама составляла предмет собственности. Если в доме оставались дочери, они рассматривались как часть наследства живущих в нем братьев. Братья выдадут их замуж и получают за них калым (выкуп за невесту). Но зато они должны были кормить и одевать их до замужества. Замужние дочери считались чужими и не имели доли в наследстве отца. «Пусть их теперь кормят те люди, которым они принадлежат», – говорил алтаец. Выйдя замуж, девушка вступала в чужой род. Если же у умершего остались только дочери, наследство переходило к родным, или, в случае их отсутствия – к двоюродным братьям отца, которые тоже будут получать калым за дочерей. И только если у отца не было больше близких родственников, дочь получала все наследство.

Мать, оставшаяся после смерти отца, тоже являлась частью наследства и оставалась хозяйкой в юрте, которую наследовал сын; он был обязан заботиться о матери так же, как делал это отец.

Если умирал мужчина, оставив жену и детей, то младший брат наследовал все имущество умершего, включая жену и детей. Обычай выхода замуж вдовы за младшего брата мужа, особенно в тех случаях, если она имела детей, является определенным отголоском левирата. Младший брат умершего должен был взять в жены свою сноху, вырастить детей, женить сыновей, выделить им скот, выдать замуж дочерей, обеспечив их приданым.

В случае отказа женщины выйти замуж за брата мужа, она вдовствовала, воспитывая детей в своей юрте при семье родителей умершего мужа (полевые материалы 2007 г., информатор: Мандышканова Ч.М. 1932 г.р., сёок сагал., с. Мухор-Тархата). Возвращаться в семью своих родителей или к родственникам вдове категорически запрещалось, и это правило нарушалось очень редко. Если вдова все же хотела вернуться в дом родителей, она должна была заявить об этом зайсану (выборный представитель сёока, уважаемый сородичами, как правило, старейший в роду). Если зайсан

разрешал это, то ее «энчи» частично возвращали ей обратно, и она уходила, оставив детей в семье родителей или братьев мужа. Суд зайсана и институт зайсанства у алтайцев это отдельная тема для исследований.

Говоря об условиях наследования имущества надо иметь в виду, что существует несколько категорий собственности на имущество. Прежде всего, была семейно-групповая собственность на имущество, т.е. имущество группы родственников. К этой категории должны быть отнесены выкуп за невесту (калым) и приданое. Выкуп за невесту не всегда вносился исключительно семьей жениха, и не всегда поступал в единоличное распоряжение отца невесты.

У южных алтайцев жениху в уплате калыма помогали сородичи, особенно ближайшие родственники по отцу, в некоторых случаях родственник отца жениха сообщал платили калым. У тувинцев, киргизов, казахов и других тюркских народов тоже было в обычае близких, помогать заплатить калым. Отвечая на это вопрос, Н.А. Кисляков пишет: «...уплата калыма у всех народов, практиковавших этот обычай, являлась делом не только узкого круга родных и ближайших родственников жениха, в нее вовлекался и более широкий круг лиц, оказывавших помощь в уплате калыма».

Таким образом, это собственность была коллективной семейно-групповой. Не менее показательная дальнейшая судьба выкупа за невесту. Значительная часть этого выкупа поступала на подготовку приданого для невесты, с другой в собственность тех семей, которые участвовали в комплектовании приданого и в других свадебных расходах. Родители невесты обязательно делились скотом со своими близкими родственниками. Каждый, кого наделяли скотом, в свою очередь, был обязан материально участвовать в снаряжении невесты имуществом, для которого у алтайцев существует термин «сеп»: одежда, украшения, утварь, но не скот. Это имущество становилось ее пожизненной собственностью в доме мужа.

У северных алтайцев, имуществом, принесенным женщиной в дом мужа пользовалась вся семья, но при разводе именно это имущество возвращалось к ней, а после ее смерти на него претендовали ее близкие родственники: родные братья, отец.

Личное имущество «энчи» как юноши, так и девушки начинало появляться с раннего возраста, точнее с момента рождения, когда новорожденному родственники дарили тех или иных домашних животных при наречении имени, первой стрижке и т.д. К моменту женитьбы юноши или замужества девушки весь накопленный посредством подарков скот с его приплодом

составлял их «энчи». «Энчи» юноши присоединялся к скоту, выделенному ему его отцом при женитьбе. В случае его смерти скот доставался отцу, братьям или другим родственникам. Если умирала женщина, ее родственники имели право требовать возврата принадлежавшего ей скота (полевые материалы 2007 г., информатор: Сорошева У.Н. 1929 г.р., сёок кобок, с. Верх-Мута).

Для алтайцев количество скота было главным критерием для определения богатства и зажиточности семьи. Именно поэтому наличие пастбищ для скота имела для них первостепенное значение.

В течении долгого времени, когда Алтай находился под властью джунгар и ойратов, утвердилась та форма землепользования, которую принято называть феодальной. Такая форма собственности на земельную территорию зайсанов была необходима в условиях существования и ведения скотоводческого хозяйствования. Затем, после перехода алтайцев под власть и юрисдикцию Российской Империи, система в первоначальное время практически не менялась. Право зайсанов на землю закреплялось выдачей «владенных» грамот. Алтайцы продолжали оставаться кочевыми скотоводами. Но, к концу XVIII века, «владенные» грамоты постепенно были изъяты. Причина наделения и изъятия данных документов, это отдельная тема для размышлений, из области государственной политики, что не в ходит в наши настоящие цели. Мы лишь, констатируем, что официально основной причиной для изъятия послужили факты выдачи грамот не от лица царской власти, а чиновниками разных уровней, не уполномоченными на подобные действия.

Несмотря на это, зайсаны продолжали владеть и распоряжаться закрепленными за ними ранее земельными просторами. Более того, мы находим подтверждения, что засаны достаточно часто сдавали участки земли и пастбища русскому населению в аренду. Естественно все доходы от сдачи земли в аренду находились под контролем зайсанов. Являясь фактическими распорядителями земель, зайсаны имели в личном владении огромные пастбища, покосы и земли под посевы, промысловые угодья, преимущественно кедровники, считавшиеся неприкосновенными для других. Другой категорией собственников, захватившей в частное наследственное пользование обширные земли, были баи – просто богатые люди, не облеченные полномочиями со стороны царского правительства. Благодаря наиболее удобным и обширным пастбищам, верховные представители родов и богатые алтайцы держали огромные стада скота, которые исчислялись тысячами голов.

Территории предназначенные для охоты, рассматривались как собственность у северных алтайцев. Фактически мы можем констатировать первобытно-общинный характер такой собственности. Вся тайга северного Алтая делилась среди родов-сёоков, и никто не имел права промыслять зверя на участке охоты территории чужого сёока. Для того, чтобы иметь право промысла в определенной тайге, достаточно было принадлежать к тому сёоку, собственностью которого являлась данная тайга, и носить имя этого сёока. Общая собственность на охотничьи угодья в то же время составляла естественную основу для общинного производства и присвоения.

Таким образом, на территории Горного Алтая, мы наблюдаем столкновение двух форм собственности на земельные, промысловые угодья. С одной стороны, распределение территорий между волостями, дючинами, с правом зайсана или бая. С другой стороны, распределение промысловых территорий среди «инородцев» по принципу рода-сёока. Юридическое, фактическое право зайсанов противостояло обычно-родовому праву алтайцев. Вторжение в чужую родовую территорию и охота на ней рассматривалась как нарушение права родовой собственности. У правонарушителя отбирали добычу и выгоняли из пределов своей территории.

К концу XIX века, право сёоков на промысловые территории фактически исчезли. Этому способствовало, постепенное дробление сёоков, выделение новых родов и их усиление. Малочисленные роды не могли удерживать за собой значительные территории основываясь только лишь, на исторической памяти. К тому же, семьи, представители разных родов-сёоков жили разбросанно и не могли вести единую охранительную политику за определенные земли. Движение, перемещение и процессы оседлости у алтайцев завершились к концу XIX века. Горный Алтай представлял собой весьма пеструю картину, где, в каких землях осели те или иные сёоки. Зачастую будучи родственными сёоками, территориально находились в отдалении друг от друга. Таким образом, обозначился переход права собственности на земли не от родовой принадлежности, а исходя из местожительства. Промысловыми территориями распоряжались зайсаны.

По иному пути происходила привязка земель у северных алтайцев. Северные алтайцы, исторически ранее столкнулись с политикой направленной на оседлость. Прибывающее население из центральной России первоначально селилось на территории северного Алтая. Все это вынуждало северных алтайцев или откочевать южнее, ближе к монгольским терри-

ториям, или менять образ жизни и хозяйствования. И, если пришлое русскоязычное население получало земельные наделы путем распределения и санкционирования, то алтайское население занимало земли путем самозахвата. Впоследствии, такие земельные наделы уже передавались по наследству. Обладая знаниями своих земель, алтайцы, наиболее зажиточная их часть, смогли сосредоточить в своих руках наиболее ценные, большие участки пригодной пахотной и скотоводческой земли.

Что касается собственности на орудия труда (охоты) у северных алтайцев, то собственность на такие сооружения, как ловчие ямы, загородки, солонцы и караулки, изготовлявшиеся совместными усилиями ряда охотников, была общей для всех тех лиц, кто непосредственно принимал участие в устройстве этих сооружений, и их ближайших родственников (отец, сын, родные братья и двоюродные братья по отцу, дядя и племянник по

матери). Со временем такие сооружения постепенно, оказывались в собственности какой-нибудь наиболее многочисленной семьи и наследовались.

В личной собственности находились луки, ружья и мелкие ловушки-самоловы, петли, сеть на соболя и т.д., преимущественно орудия труда индивидуального пользования. Это имущество, было просто и изготовление иго, было доступно каждому. Из предметов труда охотника, преимущественную ценность составляла ружейная амуниция. Иметь ружье, было важным и неотъемлемым условием каждого промысловика. В силу дороговизны амуниции, не каждый промысловик имел возможность на приобретение ружья. И вынужден был брать его у более зажиточных представителей рода-сёока. За это они должны, были части добычи отдавать хозяину ружья. Таким образом, условия наследования имущества предусматривали исключительное преимущество мужской линии.

Библиография:

1. Русанов В.В. Обычное право в системе социального регулирования народов Горного Алтая // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 2-2. С. 121-126.
2. Насыров Р.В., Васильев А.А., Маньковский И.Ю., Синкин К.А., Русанов В.В., Васев И.Н., Моисеева О.Г., Куликов Е.А. Правовые обычаи Горного Алтая, Китая и Монголии. Коллективная монография. Барнаул, 2013. 231 с.
3. Кодан С.В., Февралёв С.А. Местное право национальных регионов Российской Империи: истоки, место в политике и идеологии, юридическая (вторая половина XVII-начало XX вв.) // NB: Вопросы права и политики. – 2013. – № 2. – С.74-154. DOI: 10.7256/2305-9699.2013.2.464. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_464.html
4. Русанов В.В. Национальный суверенитет и процессы суверенизации Горного Алтая (в первой четверти XX века). Барнаул, 2010. 157 с.
5. Тадина Н.А. Традиционное отношение к браку у алтайцев. Горно-Алтайск, 1993. 35 с.
6. Потапов Л.П. Краткий очерк культуры и быта алтайцев. Горно-Алтайск, 1948. 64 с.
7. Ямаева Е.Е., Табаев Д.И. Жайзынны жаргы жаны. Горно-Алтайск, 1996. 62 с.
8. Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969. 240 с.
9. Абрамзон С.М. Категории семейно-групповой, семейной и индивидуальной собственности у кочевников. М., 1973. 20 с.
10. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М., 1953. 444 с.
11. Кыдыева В.Я. Институт зайсанства у алтайцев. Горно-Алтайск, 1995. 135 с.
12. С. А. Февралёв. Местное законодательство в государственно-правовом развитии России (вторая половина XVII – начало XX вв.). // Право и политика. – 2011. – № 7. – С. 1171-1181.
13. Нухриян Е.С. Нормативно-правовая основа общественного имущества Карачая и Бал-карии в пореформенный период (1860-е гг. – начало XX в.) // Политика и Общество. – 2015. – 6. – С. 709 – 716. DOI: 10.7256/1812-8696.2015.6.15388.
14. Бабин Б.В. Право собственности народов: международное и национальное измерения // Юридические исследования. – 2013. – 10. – С. 12 – 34. DOI: 10.7256/2409-7136.2013.10.9469. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_9469.html

References (transliterated):

1. Rusanov V.V. Obychnoe pravo v sisteme sotsial'nogo regulirovaniya narodov Gornogo Altaya // Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 2-2. S. 121-126.
2. Nasyrov R.V., Vasil'ev A.A., Man'kovskii I.Yu., Sinkin K.A., Rusanov V.V., Vasev I.N., Moiseeva O.G., Kulikov E.A. Pravovye obychai Gornogo Altaya, Kitaya i Mongolii. Kollektivnaya monografiya. Barnaul, 2013. 231 s.
3. Kodan S.V., Fevralev S.A. Mestnoe pravo natsional'nykh regionov Rossiiskoi Imperii: istoki, mesto v politike i ideologii, yuridicheskaya (vtoraya polovina XVII-nachalo XX vv.) // NB: Voprosy prava i politiki. – 2013. – № 2. – S.74-154. DOI: 10.7256/2305-9699.2013.2.464. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_464.html
4. Rusanov V.V. Natsional'nyi suverenitet i protsessy suverenizatsii Gornogo Altaya (v pervoi chetverti KhKh veka). Barnaul, 2010. 157 s.
5. Tadina N.A. Traditsionnoe otnoshenie k braku u altaitsev. Gorno-Altaysk, 1993. 35 s.

6. Potapov L.P. Kratkii ocherk kul'tury i byta altaitsev. Gorno-Altaysk, 1948. 64 s.
7. Yamaeva E.E., Tabaev D.I. Jaizannyn jargy jany. Gorno-Altaysk, 1996. 62 s.
8. Kislyakov N.A. Ocherki po istorii sem'i i braka u narodov Srednei Azii i Kazakhstana. L., 1969. 240 s.
9. Abramzon S.M. Kategorii semeino-gruppovoi, semeinoi i individual'noi sobstvennosti u kochevnikov. M., 1973. 20 s.
10. Potapov L.P. Ocherki po istorii altaitsev. M., 1953. 444 s.
11. Kydyeva V.Ya. Institut zaisanstva u altaitsev. Gorno-Altaysk, 1995. 135 s.
12. S. A. Fevralev. Mestnoe zakonodatel'stvo v gosudarstvenno-pravovom razvitiy Rossii (vtoraya polovina XVII – nachalo XX vv). // Pravo i politika. – 2011. – № 7. – С. 1171-1181.
13. Nukhrikyan E.S. Normativno-pravovaya osnova obshchestvennogo imushchestva Karachaya i Bal-karii v poreformennyi period (1860-e gg. – nachalo KhKh v.) // Politika i Obshchestvo. – 2015. – 6. – С. 709 – 716. DOI: 10.7256/1812-8696.2015.6.15388.
14. Babin B.V. Pravo sobstvennosti narodov: mezhdunarodnoe i natsional'noe izmereniya // Yuridicheskie issledovaniya. – 2013. – 10. – С. 12 – 34. DOI: 10.7256/2409-7136.2013.10.9469. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_9469.html